

*Юлия
Лавряшина*

Кто эта
женщина?

За чужими окнами

Юлия Лавряшина
Кто эта женщина?

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Кто эта женщина? / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2018 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-04-091467-8

Все началось, когда Кира в случайно найденном телефоне прочитала трагические сообщения женщины к возлюбленному. Жива ли эта женщина, вдруг ее еще удастся спасти, если узнать о ней больше? А между тем человек, которому были адресованы письма, уже завладел воображением Киры и, возможно, влечет ее саму навстречу гибели.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091467-8

© Лавряшина Ю. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Александровна Лавряшина

Кто эта женщина?

© Лавряшина Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Машина выскочила из мрака прямо на нее.

По глазам резанул свет фар, и Кира, не успев испугаться, зажмурилась. Ноги приросли к земле.

Удивительно, что кроме нее, Киры Максимовой, ни одного человека на аллее не оказалось. Оглушенная внезапностью нападения, через секунду она открыла глаза. Ослепляющие лучи метнулись вбок, выхватив из ранней южной темноты мощные стволы деревьев, искривленные ветви, аккуратные ряды кустов.

Кира не распознала марки машины, хотя разбиралась в автомобилях. Тем более не увидела номера. Правда, когда она взглядела, ей показалось, будто она уже знала его – три семерки. Вот оно – абсолютное счастье! Гибель пронеслась от нее в полуметре... В двух местах снесло металлическую ограду аллеи и кирпичную башенку над канализационным люком – а ведь башенка эта казалась бетонным бункером. И так легко сломалась...

Взрыв подушек безопасности в машине оглушил Киру, в голове поплыло, будто ее контузило ударом и грохотом. Уродливо вмятая – так над куклами забавлялись в детстве, вдавливая им то подбородки, то лбы, – морда автомобиля застыла на расстоянии ее вытянутой руки. Она выдохнула дым, бессильно захлебнувшись бензиновой слюной.

Что вот-вот может рвануть, Кире в голову не пришло... Но какие-то мысли ожили: она начала искать телефон, силясь вспомнить, на какой номер нужно звонить, чтобы позвать на помощь.

Кажется, в этот момент Кира и поймала его взгляд. Она не сразу поняла, что на перекрестке действительно стоит человек. На ум пришло: Черный Человек... Он стоял молча и смотрел на изуродованную машину, в которой, может быть, никого не осталось в живых... За душами пришел?

Удар ножа в машине отсек страшное: подушка с шипением сдалась кромсающей ее руке. Кире все слышалось глухо, как будто это она была заперта внутри, с берушами страха. Дверца распахнулась, мелькнуло лицо, показавшееся ей желтым под белесым мочалом кудрявых волос. Водитель скользнул по ней мутным взглядом: жива? Выскочил и обежал автомобиль сзади, отпечатавшись в Кирином мозгу клетчатым пятном рубашки.

«Там пассажир?!» Она бросилась следом. Обогнула машину, поскользнувшись на слякотных плитках, ухватила за ручку задней двери и только тогда увидела: клетчатое пятно колотилось о землю. Кира не поняла, что происходит, сердце провалилось от страха, но кричать ей показалось неловким, даром что никого вокруг не было.

Как никого? Она обернулась. Черный Человек стоял на «зебре», точно вырос из темной ее полосы. Это выглядело так ненатурально, что могло быть только галлюцинацией. Разве реальный человек способен вот так спокойно взирать на то, как кто-то рядом бьется в конвульсиях? Или ему с «зебры» не видно?

– Здесь человеку плохо! Вы можете? – крикнула Кира больше от отчаяния, чем поверив в реальность мужчины.

Но тень неожиданно двинулась, приблизилась, с каждым шагом обрастая плотью, и обернулась живым человеком. Вглядываться в лицо, прикрытое длинным козырьком бейсболки, было некогда, да и неудобно, так что Кира не разобралась толком – молод он или стар. Бывшие хиппи тоже носят бейсболки и джинсы...

– Что с ним, а? – Она не была трусихой, но не могла заставить себя коснуться чужой крови.

Ответ прозвучал безразлично, будто они смотрели сюжет новостей, а не стояли над корчившимся у их ног человеком:

- Похоже на приступ эпилепсии...
- А... И что с этим делать?
- Ничего. Скоро пройдет. Дайте-ка... вон!

Схватив с верхушки куста указанный ей небольшой обломанный конец ветки, Кира протянула его мужчине, не понимая, чего хочет этот странный человек. А он, улучив момент, когда больной застонал, ловко сунул распорку между его челюстями и придержал, дожидаясь, пока зубы не стиснут древесную палочку.

– Чтоб язык не откусил... – Мужчина сдернул наброшенный на плечи темный пуловер и комком сунул его под голову пострадавшего. – Затылок еще разобьет... Вы «Скорую» вызвали? Так вызывайте. И полицию. А я, пожалуй, пойду.

– Куда?! – Кира вцепилась ему в локоть. – Я не останусь тут с ним! Я не знаю, что делать!

Он отвернулся, пряча лицо:

– Больше ничего и не сделаешь. Надо ждать медиков.

– Давайте ждать вместе! Я... Я боюсь... А вы видели, что произошло, вы должны... как это... Дать показания!

Опустив голову так, что Кира видела один козырек, мужчина быстро спросил:

– А вы поняли, что произошло?

– Он вылетел на меня... Я даже...

– А почему, по-вашему, он вылетел на аллею?

Кира потрясла головой. Пока «Ниссан» ехал по дороге, она не обратила на него внимания. В те минуты ее занимало одно: хотелось рассеять по уголкам незнакомого города всю тяжесть, какую она привезла с собой. Эту тяжесть быстро сдуло бы ночным бризом – крымским городкам не привыкать принимать людские горести и освобождаться от всего, что привозят с собой люди, весь год мечтающие выплакаться на груди моря.

– Этот ублюдок свернул, потому что я стоял на переходе, – произнес Черный Человек так ласково, будто говорил о любви.

Кире стало не по себе:

– Почему – ублюдок? А вы... Почему вы там стояли?

– Он несся как сумасшедший. Такую кирпичную дуру не снести просто так... Бетонную балку видите?

– Но вы видели, как он несется, и стояли? Вы что – хотели, чтоб он врезался?

– Лучше в нее, чем в толпу подростков. За поворотом – ночной клуб. В это время отдыхающие туда валом валят.

«Отдыхающие?! Значит, он местный, раз так говорит», – промелькнуло в Кириной голове.

– Наверное, тоже ублюдки еще те, но их мне почему-то больше жалко.

– Так вы... – У нее пересохло в горле, голос осип. – Специально, что ли?!

Кажется, он улыбнулся: подбородок, выглядывавший из-под бейсболки, дрогнул:

– Будем считать, я его остановил. И благодаря мне он не стал убийцей. Очнется, спасибо скажет.

– Думаете, он что-нибудь вспомнит? – с сомнением пробормотала Кира.

– Память – штука причудливая. Заранее не угадаешь, что в ней останется. Столько всякой ерунды помнится!

– Но он мог вас убить! Сбить насмерть...

– Да, убить, убить... Нет, не мог. Главная история моей жизни еще не началась.

– Вы о чем? Я вас не понимаю...

Из-за поворота показались синие проблесковые огоньки «Скорой», сирену ночью включать не стали. Кира обрадованно рванулась навстречу, замахала руками.

– Сюда! Скорее! Как быстро приехали, да? – Она оглянулась.

Мужчины не было. Только несчастный эпилептик лежал распластанный на траве рядом с побитой машиной.

* * *

Куда он делся?! Пока врачи укладывали раненого на носилки, грузили в «Скорую», пока подъехавшие гаишники выясняли у нее, как все произошло, Кира неотступно думала о Черном Человеке.

– Свитер ваш? – Молодой инспектор протянул ей комок. – Придется хорошенько его постирать...

– Ничего, – кивнула она.

И сунула пуловер в пакет, отыскавшийся в сумке. На всякий случай она всегда носила с собой пакет, как ее прабабушки в свое время прихватывали перед выходом из дому авоську. И вот – пакет пригодился!

– Вас подвезти? – поигрывая бровями, спросил инспектор.

Кира испуганно отказалась:

– Нет-нет! Мне надо пройтись. Успокоиться.

– Вы осторожней, – протянул инспектор разочарованно. – Если что, номерочек ваш у меня имеется...

«Если – что?» – неприязненно подумала Кира, но уточнять не стала. Ей хотелось поскорее уйти от этих людей в форме, от разбитой машины, от сбежавшихся зевак – наверное, тех, кого и спас тот человек на перекрестке. Она не могла понять, почему ни словом не обмолвилась о нем инспектору... По ее словам было записано, будто машину просто вынесло на аллею. Водитель не справился с управлением... Возможно, спьяну. Скорее всего, именно так все и произошло. А если, очнувшись, эпилептик даст другие показания... Что ж, она вполне могла и не заметить никакого Черного Человека!

Ей стало легче от того, что все в мыслях ее упорядочилось. Осталось только решить для себя: кто же тот парень, что растворился в воздухе? Благородный спаситель подростков или псих, который ловит ночами адреналиновый кайф?

Ноги несли ее неудержимо, и Кира начала задыхаться от быстрой ходьбы. До нее не сразу дошло, что идет она не туда – дом на горе, в котором она сняла комнату, остался не то позади, не то в стороне. Заставив себя остановиться, Кира прислушалась. Шум прибора терялся в хаосе звуков, рвущихся из дверей ресторанов и кафе. Проводить там вечера ее совсем не тянуло.

«Да никто особенно и не предлагал! – напомнила она себе. – Станислав? Да он удавился бы... Интересно, почему он так любит, чтобы его называли полным именем? Никакого Стаса или Славы... Пафос во всем. Как там, в «Евгении Онегине»? *Он уважать себя заставил и лучшие выдумать не мог.* Что-то вроде того. Хотя, если точнее, во времена Пушкина в этой фразе подразумевалось соблюдение родными светских приличий...»

Ее саму удивило, что в памяти всплыли пушкинские строчки – она не была такой уж любительницей стихов. Но какие-то обрывки иногда вспоминались ей весьма кстати, вот как образ есенинского Черного Человека сейчас, и некоторым она казалась вполне начитанной девушкой. И ей действительно нравилось провести вечер с книгой, но только не со сборником стихов. Уж скорее она взяла бы европейский триллер из серии «Интеллектуальный бестселлер». Кире как-то попался один... Открыла она книгу с опаской, но чтение оказалось отнюдь не занудным, а довольно-таки увлекательным. И это подняло ее самооценку, которую Станислав столь упорно занижал...

– Не думать о нем, – пробормотала она как заклятие.

Затем и приехала сюда, чтобы очиститься ото всех воспоминаний. Родительский дом остался за полторы тысячи километров от Крыма, но Кира еще не успела соскучиться. В ее

возрасте пора было обзавестись собственным жильем, но Станислав этого так и не предложил, они жили с ним в съемной квартире. Сейчас Кира не могла понять, ждала ли она предложения от него или боялась этого?

В Подмоскowie в такой час тихо пели кузнечики, а здесь – взхлеб! – огромные южные цикады. Тут все было ярче, сильнее, звезд на небе – в два раза больше! Кира чувствовала, как быстрее бежит кровь, и хочется мчаться куда-то, карабкаться в горы, прыгнуть в волну со скалы... Кажется, впервые в жизни Кира делала все, о чем мечтала, и никто не натягивал вожжи: «Куда?! Шею сломать захотела?» Ладно бы мама... Но и Станислав не давал ей сделать и шагу... Просто не верил, что Кира сможет не раздавить при этом половину земного шара или не переломать ноги.

Он диктовал ей каждое действие, каждый вздох: «Что ты смотришь? Ну как можно смотреть такую чушь?! И не клади сюда телефон – кто-нибудь на него сядет». Они жили вдвоем – кто мог сесть на диван рядом с ней? Обычно Станислав садился в кресло напротив, сверлил ее холодным взглядом и с наслаждением забрасывал удочку с крючком-придиркой, а Кира обязана была поймать. Почему никто не замечает, что рот у нее порван – в кровь?

По его разумению, она все делала не так. Да и сама не дотягивала: слишком высок лоб, не прикрытый темными волосами, спускавшимися до плеч, – хорошо бы челочку выстричь... Сложена, как долговязая девочка-подросток, груди совсем нет! Не любит губы подкрашивать... Да и брови нынче в моде более темные... Ее синие глаза, которые всем так нравились, и то вызывали в нем чувство протеста: «Ты как будто в цветных линзах... Они у тебя неестественно яркие! А сама вечно бледная...»

Почему она все терпела? Она, которая в детстве была драчуньей и в институте могла постоять за себя.

– Ты дерзкая, – заметил Станислав в их первую встречу, когда Кира наотрез отказалась с ним выпить. – Это мне нравится.

И начал планомерно выдавливать из нее дерзость... А когда не осталось ни капли, потерял к ней интерес и ушел к другой. Ведь, кроме той самой дерзости, в Кире не оказалось ничего, достойного доброго слова: диплом пищевого института не стал защитой – Станислав все равно чуть ли не плевался от всего, что она готовила. И каждый вечер вспоминал, как вкусно кормила его бабушка, когда он приезжал на каникулы. Про мать не говорил, наверное, ей тоже от него доставалось, решила Кира. Узнать наверняка не довелось: Станислав так и не представил ее родителям. Теперь-то Кира понимала, что изначально была для него проходным вариантом.

Он был недоволен тем, как она стирает и гладит, делает уборку и ведет себя в постели. Находил грязь на кухне и в туалете, даже если Кира только закончила оттирать кафель... Порой ей казалось, что Станислав еле сдерживает бешенство, в котором она просто захлебнулась бы, если б хоть раз он дал ему выход. Почему он не ушел раньше? Три года пытки – зачем? И как оба они не сошли с ума? Он не дурак и, конечно, сразу же понял, насколько далека Кира от выпестованного им образа... И не смог простить ей того. Мучил и себя и ее, уже молившуюся ночами, чтобы он влюбился в кого-нибудь и сам захотел уйти. Ее он не любил совершенно, не жалел, не баловал, ею не восхищался...

Но и не истязал в том смысле, как это понимают в полиции, куда женщина может обратиться, только зафиксировав следы побоев. Кровоточащее сердце не видно никому.

Дернув ремешок сумочки, как поводок, Кира в голос усмехнулась: последняя фраза – уже перебор! Это из слезоточивых романов, которых она никогда не читала. Ей нравились триллеры... Вот жизнь и наполнилась ужасом. То, что человек читает, похоже, моделирует его жизнь.

Она спустилась к морю настолько, что стало слышно его дыхание, и утраченное было успокоение начало потихоньку к ней возвращаться. Улыбнувшись, Кира подумала с облегчением: «Здесь у меня начнется другая жизнь. Я же мечтала поселиться у моря! Что мне

мешает?» Сомнения и страхи еще опутывали ее, и не отпускало ощущение, будто она рвет их с каждым шагом, а они нарастают снова.

Хотелось поскорее освободиться от силков прошлого, но настоящее тоже подбрасывало ловушки – один Черный Человек чего стоил! Мелкий озноб пробежал по спине волнами, и Кира хотелось поскорее окунуться в теплую черную воду, в которой купались звезды и отсветы дальних фонарей.

На пляже в это время почти никого не было, на что она и надеялась. Невдалеке играли девушка с собакой, кажется, родезийским риджбеком, но в темноте невозможно было разглядеть, есть ли на спине особая встречная полоска шерсти, которой отличается эта порода. Собак Кира никогда не боялась, и, если б тот пес бросился за ней в воду, она бы только обрадовалась. Побороться с такой псиной на мелководе – вот это забава!

Но риджбек лишь принюхался, вытянув красивую гладкую шею, запомнил новый запах и вернулся к хозяйке.

У каждого, кто ищет любви, должна быть собака.

* * *

Ничего бы дальше не произошло, если б не крот.

Он лежал у самой тропинки. Кира катила на велосипеде, и просто чудо, что она заметила это маленькое тельце в траве. Удивительно, но Кира Максимова еще ни разу не видела кротов живьем, только в детстве – в чешском мультфильме. Но тут ее почему-то чуть не выбросило из седла: «Кротик!»

Он был мертв. А над ним печально колыхался юный папоротник, не закрывавший тельца, но ласкающий его легкой тенью. Наверное, зверек угодил в ловушку смерти недавно, потому что выглядел совсем как живой. Его темная шкурка в прорезях тени поблескивала на июньском солнце, и крот точно в безмятежности спал, да так крепко, что не почувствовал, как Кира перевернула его палочкой. Теперь крошечные передние лапки были подняты вверх, а задние вытянуты, будто он сладко потягивался.

Присев над ним, Кира вздохнула:

– Ах ты, бедный...

Ей хотелось думать, будто кротик умер счастливым. Вот только она понятия не имела, что может сделать счастливым зверька, который всю жизнь проводит в кромешной тьме. Может, этот родился бунтарем и решил переломить судьбу? Выбрался на солнце и задохнулся от восторга... Как и она сама, перебравшись к морю. С той разницей, что она собиралась жить, а не умирать.

Одному только морю Кира могла доверить зализать свои раны. Пересчитывать их казалось ей делом неблагодарным, но набралось их достаточно: ночами боль сводила ее с ума. Ей грезилось, будто море вылечит все в считанные дни, но не отпустило до сих пор... И Кира начала сомневаться, стоило ли бежать из Подмосковья.

Почему-то такие раны называют душевными, но она страдала физически. Ее корчило в постели так, что приходилось плестись на кухню и глотать за один прием и обезболивающее и снотворное. Тогда к рассвету сну удавалось успокоить ее, и она просыпалась к полудню, проклиная себя за то, что потеряла еще один день и не отправилась на поиски работы. А деньги кончались... И Кира клялась себе выпить таблетки еще до ужина, чтобы успели подействовать. Пора было менять режим. Пора было менять все.

Выбрав палку покрепче, Кира выкопала ямку под кустом земляничника. Потом, не найдя лопуха, которым хотела, как саваном, обернуть кротика, сорвала несколько листьев каштана, выбирая из них покрупнее, и перекатила мертвое тельце. И вдруг увидела на земле телефон.

На секунду Кира замешкалась, решая, похоронить ли сперва зверька, а потом поднять телефон, или сделать наоборот. И все же решила, что телефон никуда не денется, а кротика лучше поскорее предать земле. Не то чтобы ей мерещился запах или что-то мешало, но хотелось сделать все по-человечески, ведь речь шла о смерти. А к ней нужно относиться уважительно.

Она перенесла крота и бережно уложила его в могилку, укрыв листьями каштана. «Хоть он и конский, но кротику не навредит». Кира сгребла выкопанную землю ладонями и засыпала ямку.

– Ты жил в земле... уж не знаю, нравилось тебе это... или нет, – бормотала она вполголоса. – В земле нашел и последний приют. Надеюсь, тебе будет здесь хорошо... Если рай для животных все же существует, пусть тебе отыщется там хорошее местечко.

Сделав небольшой бугорок, она зачем-то опустила на него руку, словно крот мог ощутить эту последнюю ласку. Зверек ничего для нее не значил, и все же у Киры отчего-то тоскливо сдавило сердце...

«А если б я наткнулась на какой-нибудь острый сучок здесь, в лесу? – подумалось ей. – Прямо в сердце... Кто похоронил бы меня? Ни одного знакомого человека в Крыму... Кроме квартирной хозяйки, которая за порог не выходит. Я так и валялась бы под кустом?»

Болезненно усмехнувшись, она тщательно отряхнула ладонь. Велосипед послушно ждал ее под кипарисом. Кира взялась было за руль, но вспомнила про найденный телефон. То, что он оказался недорогим, кнопочным («Кто сейчас еще пользуется такими?»), сразу освободило ее от угрызений совести – невелика потеря! Хозяин наверняка успел купить себе другой, разыскивать его и смысла нет...

– А мне ты зачем? – проговорила она вслух и смущенно хмыкнула, оглянувшись.

Но в пригородном лесу никого не было в этот час – отдыхающие сюда не забредали, а у местных рабочих день был в разгаре. Никто не увидел того, как Кира нажала кнопку и пролистала телефонную книгу. Все, как у всех: мама, папа и несколько безымянных номеров. Зато в альбоме обнаружилась фотография. Всего одна: молодой мужчина в темной футболке сидел за столиком, за его спиной растопырила листья пальма в кадке, а за окном... Море? Значит, фотография была сделана здесь.

– Привет! – Кира улыбнулась, разглядывая лицо. Выражение его было немного застенчивым. – Ты загорелый... Местный, да? Мне казалось, что парни в приморских городах... посвободнее, что ли. У тебя темные волосы или просто снимок некачественный? Как тебя зовут?

Немного поколебавшись, она открыла отправленные сообщения – в них могла найтись какая-нибудь зацепка. Зачем-то необходимая... Нет, обычное любопытство тоже давало о себе знать, но было нечто еще, чего Кира пока не могла определить словом. Почему у нее подрагивали руки и замирало сердце? Она не знала.

«Не обижайся на то, что я наговорила».

У нее дрогнул усмешкой рот: так телефон принадлежал женщине! Как это знакомо – пытаться помириться с помощью сообщения. Адресовано Илюше. Видимо, парень на снимке и есть Илюша. И еще ему же: «Вернись, умоляю тебя!»

– О, да он умеет заставить страдать! Только с виду такой милый? А тут уже целое письмо...

Усевшись на траву рядом с велосипедом, Кира начала читать, цепenea с каждой секундой: «Я мечтаю, чтобы эта ночь стала для меня последней. Но я не могу этого сделать... Не могу. Если ты не вернешься, я пойму, что больше не нужна тебе. Я уйду. Совсем. Но ты ни в чем себя не вини».

– Неужели с собой покончила?! – вырвалось у Киры.

Опустив телефон, она уставилась в пространство, не замечая, как тяжело дышит. В ее руке лежало упакованное в мертвый пластик живое человеческое горе. Эта женщина, имени

которой она не знала, могла уже быть мертва, как тот крот, которого Кира только что похоронила.

Она помертвела: этот зверек стал посланцем из мира мертвых. Та несчастная отправила его, чтобы привлечь внимание к телефону, который она... Выбросила? Потеряла? Или этот чертов Илюша небрежно избавился от него после похорон, просто швырнув в траву?

Кира заторопилась:

– Что он ответил ей?

В тот вечер, когда женщина писала прощальные слова, ответа не пришло.

– Вот гад! – не сдержалась Кира. – Так, а это днем раньше. Ого, в шесть утра? «Открой».

Пил он, что ли, всю ночь?

Ей показалось странным, почему Илья набрал пусть краткое, но сообщение, а не позвонил, ведь спяну одну кнопку найти куда проще, чем нажать несколько... Почему? Боялся, что она не возьмет трубку?

«Прости, все кончено».

Несколько раз перечитав эту фразу, Кира попыталась представить, что должна была испытывать женщина, получившая такое сообщение. Если любила... Ей-то Станислав в лицо сказал, что уходит. За минуту до тех слов Кира не сомневалась, что ждет их, а теперь сходила с ума от боли. Каково же той, которая любит? Разве продохнешь такую муку? Как же она с этим справилась? Она... Кто она? Как ее звали?

Кира спохватилась: «Ох, почему – звали... Может быть, обошлось, и она живет себе преспокойно. Что-нибудь еще он писал ей в тот день?»

Вдруг телефон чуть не выпал у Киры из рук: тот день, это же... август.

– Так это было почти год назад? Сейчас только июль. Если она умерла... Боже.

Мысли вспыхивали молниями и обрывались, заставляя Киру вздрагивать то от страха, то от догадок, которые она тут же и отменяла. Позвонить ее матери? Номер есть. И что спросить? Ваша дочь действительно умерла? Да зачем ей все это?! Своих забот – не разгрести...

Вскочив, она сунула телефон в висевшую через плечо сумку – не бросать же его снова! – и оседлала велосипед. Но прежний задор куда-то ушел, хотя Кира любила и спорт, и скорость.

«Не думать о них. Не думать».

Она попыталась вытеснить этих виртуальных людей вполне реальным, только погребенным кротом, который потянул за собой целую череду воспоминаний о животных, похороненных в разных городах. Отец Киры был военным, и они часто переезжали. Но только в один город она все эти годы мечтала вернуться... И вот наконец это случилось. Она прилетела в свой Зурбаган. Правда, на самом деле он назывался иначе...

Грин был не то чтобы любимым писателем Киры, а скорее единственным, чьи книги она приняла душой еще в детстве. После него любая проза казалась ей блеклой, мертвой, скучной... Увлекали лишь триллеры, которыми она щекотала нервы. Но после них Кира опять возвращалась к рассказам о Лиссе, чтобы вдохнуть настоящего волшебства.

Люди, бесстрашно выбиравшиеся из-под обложек книг Грина в ее мир, казались Кире более живыми, чем одноклассники или соседи. Жажда жизни героев заставляла ее задыхаться от восторга и отчаяния, ведь она понимала, что ей не суждено стать такой, как гриновские персонажи, подчас жуликоватые, злые, но такие яркие... Влюбиться в такого – и жизнь удалась. Принесет ли это счастье? Сомнительно. Зато переживаний такой роман доставит целую палитру! Не то что со Станиславом...

Почему-то ни разу она не примерила к себе образ Ассоль, даже в пору смутных мечтаний о несбыточном. Кире всегда было страшно стать девочкой, над которой смеются. К подвигу Ассоль, сумевшей пронести свою мечту живой сквозь град камней, летящих со всех сторон, Кира была не способна. Одно дело ввязаться в потасовку с мальчишками, спасая кошку, кото-

рую те подвязали за хвост к дереву, и совсем другое – раскрыть перед всеми себя истинную. И вот такой, можно сказать, обнаженной, пройти сквозь толпу.

Ей легче было спрятать сокровища, вызревшие в душе, в собственные глубины, чем предъявить их враждебному миру.

* * *

Пока извилистыми улочками, закованными в прохладные каменные ограды, которых так приятно было касаться ладонью, Кира возвращалась к маленькому домику, где сняла комнату, ей вспомнился ее первый пес. Тогда они жили в сибирском поселке, где она и родилась, и пошла в школу. Там не принято было провожать детей, крепко держа за руку, даже в первый класс: каждый знал каждого, и любой мог поклясться, что негодяев среди его соседей нет.

Поэтому Кира одна ходила в школу. И вот однажды по пути встретила этого рыжего пса. После него были и другие собаки и кошки, но тот оказался первым, и Кира всегда вспоминала его, если речь шла о ее питомце. У него были солнечные глаза и самая улыбчивая пасть в мире. Если между человеком и собакой бывает любовь с первого взгляда, это как раз такой случай. Кира рыдала в ногах у матери, умоляя пустить ее лучшего друга Ржавчика в дом, пока отец не вернулся со службы и не проговорил, по обыкновению, так тихо, что все вокруг замирали и вслушивались:

– Не шмотку модную кланчит. Не телефон новый. Живое существо. Это хорошо, мать... Надо пустить.

Три года с Ржавчиком были полны радостного света. Пес встречал ее из школы, и они наперегонки неслись по поселку. Выскакивали на высокий, крутой берег и по торчавшим из сыпучей земли корням сосен сбегали к любимой, в их местах еще широкой Томи, чтобы проверить – все ли рыбаки целы? А заодно угоститься, если кто окажется с хорошим уловом. Угощался, конечно, Ржавчик, а Кира сидела на камнях и болтала с рыбаками, делясь школьными новостями. Она и теперь не сомневалась, что им было интересно.

Но однажды Ржавчик не появился после уроков. Вместе с матерью Кира обегала все окрестности, потом и отец подключился, даже своих солдат погнал на поиски...

И они нашли.

Пес лежал под высокой елью, вытянув лапы совсем, как этот кротик, только на боку, а не на спине. Его солнечная шерсть показалась Кире грязно-коричневой... Почему-то она в первую же секунду поняла, что это кровь, много крови. Коленки она разбивала, конечно, локти обдирала, но там крови было немного. А из Ржавчика она вытекла, кажется, вся.

Потом, уже взрослой, Кира пыталась понять: зачем отец показал ей, десятилетней, убитую собаку? Мог же похоронить сам, солдат запрячь... Но он взял Киру за руку и подвел к той ели.

С тех пор в их доме не ставили новогодних елок, она видеть их не могла. Станислав притаскивал искусственную, хотя она просила не делать этого. Весь праздник кололась воспоминаниями... Капли крови Ржавчика поблескивали на мертвых ветвях. В полночь Кира загадала: «Я хочу, чтобы мы расстались с ним в этом году... Пусть отвяжется от меня!»

Желание сбылось. Почему же теперь было так пакостно на душе? Хотя Кира точно знала, что возвращения Станислава она не желает. И поставить елку ему больше не позволит... Для нее это дерево было куда более траурным, чем кипарис, с которым ничего плохого в ее жизни не связано. Как раз к кипарисам, в Крым, отца и перевели через месяц после смерти Ржавчика, и Кира до сих пор была благодарна морю за то, что оно исцелило ее тогда.

Прошлого рыжего цвета так утянуло Киру, что мельтешащие перед глазами солнечные пятна сгустились, как занавесом задернув реальность. Что там оказалось на дороге? Выбоина в

асфальте, которым несть числа? Или камень попал под колесо? Велосипед споткнулся, пошел юзом и рухнул на асфальт вместе с Кирой, не успевшей нажать на тормоз.

Отключилась она на какой-то момент? Или это ей лишь почудилось, потому что от боли в колене потемнело в глазах? Когда в голове прояснилось, Кире показалось, будто она очнулась в другой реальности... Эта улица здорово походила на уже знакомую ей – проходила тут пару раз. Кажется, это крыльцо с витыми перилами, заманивающее в какое-то кафе или магазинчик, уже видела прежде. И этот старый инжир, росший посреди тротуара...

Надо было добраться до него, уползти с проезжей части, пока ее вдобавок не переехали... Но не успела она приподняться, как чьи-то руки подхватили ее под мышки, протаскили немного и усадили на бордюр.

– Вот так, милая... Сейчас.

От боли еще мутилось в глазах, но Кира смогла разглядеть невысокую худенькую женщину, храбро выскочившую на дорогу и поднявшую велосипед. Встряхнув, как будто приводила в чувство, она вывела его на тротуар и прислонила к стене. Потом снова склонилась к Кире, и лицо ее сморщилось от жалости:

– Встать сможете? Впрочем, нет. Сидите здесь, я принесу...

Что принесет – женщина не договорила и опять куда-то убежала. В дверном проеме вспыхнули каштановые волосы, не закрывавшие длинной шеи, мелькнула светлая хлопковая рубашка. Кира прищурилась: над входом выбившаяся из клубка пряжи нить закручивалась вывеской «Кошачье царство». А следы кошачьих лап отпечатали на старой, очень похожей на корабельную, доске – «Музей-кафе».

«Я попала в царство кошек? Вовремя! Говорят, они заживают раны...» Она разглядела колено, ободранное, как в детстве, чуть не до кости. Попыталась согнуть ногу и застонала.

– Вам помочь?

Остановившиеся рядом кроссовки были большими. Это оказалось единственным, что она могла сказать о них определенно. Когда-то они были, кажется, белыми...

Кира подняла глаза:

– Спасибо. Мне, кажется, помогают. Наверное, она... эта женщина... за аптечкой убежала.

И указала подбородком на ведущие к двери кафе кошачьи следы, нанесенные краской на асфальт. Высокий парень, улыбавшийся ей сверху, оглянулся:

– Мама уже успела? Она у нас шустрая.

– Мама?! Мне показалось... моя ровесница.

Парень мгновенно театрально расшаркался, не обращая внимания на прохожих:

– Я передам ей комплимент.

«А ему-то лет двадцать? – попыталась определить Кира. – Какой рыжий! Смешным не выглядит, вот странно. Наверное, потому, что черты – правильные. Веснушек нет. И глаза – темные».

Он вдруг смело коснулся ее ноги:

– Вас сбили?

– А? – Кира чуть дернулась от прикосновения. Больно. – Не трогайте. Нет... Это все кротик...

– Кролик? Белый? Так вот ты какая, Алиса! Не признал...

– Да нет, кротик... Крот. В общем, я... просто задумалась. Наверное, в какую-то яму угодила колесом.

За его спиной прозвучал знакомый голос:

– Там тротуарная плитка валялась, я убрала.

Отступив, парень сделал жест руками, уступая матери дорогу:

– Прошу, доктор! Пациентка ваша.

– Шут гороховый. – Женщина беззлобно усмехнулась и поставила на тротуар большую холщовую сумку с красным крестом. – Уверю вас, рана не смертельна. Сейчас промоем и заклеим. А потом я отвезу вас в травмпункт.

– Я сам отвезу.

– В травмпункт? Но...

– Я отвезу!

– Хорошо. А потом Антон отвезет вас в травмпункт.

Поверх ее плеча показалась голова сына:

– Если что, Антон – это я. А мою мамочку зовут Лариса. Она о-очень хорошая! Хоть и не рыжая. Это я в папочку!

– Уймись. – Лариса толкнула его локтем. – Иди готовь машину.

– А чего ее готовить? Вон стоит.

Невольно проследив, куда он указал, Кира попыталась угадать, на которой ей предстоит поехать. Но, заметив насмешливый взгляд Антона, быстро опустила глаза.

Лариса полила ее рану перекисью водорода, и белая пена вовсю пузырилась, смешиваясь с кровью. Больно не было, но Кира поморщилась – жуткое зрелище!

Антон, склонившись над ними, прищелкнул языком:

– Красиво, черт возьми! Вполне в духе современной живописи. Как вас зовут? Кира? А давайте, Кира, вместе делать деньги? Вы будете разбивать колени, мама поливать вас перекисью, а я объяснять зрителю концептуальность этой инсталляции!

– Я тебе рот пластырем заклею, – пообещала Лариса. – Вот такое чудище я произвела на свет...

– Тогда надо и руки бинтом связать, чтобы я не расклеился. А как же я без рук буду машину вести? А мамочка у нас глупенькая, она машину до сих пор не научилась водить. Но она все равно о-очень хорошая!

Выдав идиотский смешок, развеселивший Киру, он погладил мать по волосам. Она дернула головой:

– Сын, сгинь!

– Звучит, как заклинание. – Антон испуганно прижал пальцы к губам. – Мамочка-ведьма?

– Да ты уйдешь или нет?!

Его глаза округлились и увлажнились слезой:

– Ты меня не любишь, мама? Ладно, ладно, не бей. Пошел выводить коня из стойла. Кира, вы сидите пока тут, я вернусь за вами.

Невольно потянувшись за ним взглядом, Кира заметила, что он немного прихрамывает, но не решила выяснять у Ларисы причину. Осторожно прижав к ее ране марлевый квадратик, та аккуратно прикрепила его пластырем и большими пальцами разгладила полоски.

– Забавный у вас сын, – сказала Кира, надеясь, что это не прозвучит обидно.

– Замечательный, – охотно подхватила Лариса. – На него во всем можно положиться. Это он от смущения дурачится. Видимо, вы произвели на него впечатление...

У нее были такие же правильные черты, как у сына, только гораздо мельче, изящнее. Вокруг миндалевидных карих глаз прорисовались морщинки, но Кире они показались прелестными. Лариса была из тех женщин, которые и после сорока притягивают взгляды, хотя в ней не ощущалось и намека на показную сексуальность, восхваляемую «глянцем». О такой женщине хотелось сказать: леди.

Разглядев ее исподтишка, Кира решила, что такого лица она в жизни не видела. Точное, им хотелось любоваться и любоваться – просто потому, что вот такой и бывает истинная красота...

– А я только что кротика похоронила, – вырвалось вдруг у Киры.

Ловкие Ларисины руки замерли:

– Где?

– Там, в лесу.

– Это вы из-за него так расстроились?

Кира невольно вздохнула:

– Да нет. Не только... Своего пса вспомнила...

– Понятно... Наши мертвые никуда не уходят.

Она встала, но, заметив, что Кира тоже пытается подняться, быстро удержала ее за плечи:

– Сидите, сидите, Антон поможет!

Кира смутилась:

– Но это как-то...

– Удобно. Он крепкий парень. Правда... А вот и он – тут как тут!

«Она хотела рассказать мне, что у него с ногой, – догадалась Кира. – Интересно зачем?»

Вынырнув из-за большого джипа, Антон развел руками, изобразив восторг:

– Совсем как новенькая!

– А зачем в травмпункт? – захныкала Кира. – Вы же так хорошо все сделали. Может быть, не надо?

Беззвучно рассмеявшись, Лариса покачала головой:

– Я же не врач. Возможно, требуется швы наложить. Не бойтесь, Антон побудет с вами и потом отвезет домой.

Нахмурившись, Антон закатил глаза, что-то высчитывая:

– Это будет стоить...

– Сын, прекрати! Кира, я покараулю ваш велосипед. У нас он будет в безопасности.

– В вашем музее? Или это все же кафе?

– А вы приходите потом – мы вам все покажем и расскажем. Вас ждет увлекательное путешествие...

– В кошачье царство? Уже хочу! Спасибо вам.

– Да не за что...

Антон не выдержал:

– Данке шон! Битте шон! Ах-ах! Все, погнали. – И наклонился к Кире. – Цепляйтесь за шею.

– Антон! – вскрикнула Лариса и, опомнившись, добавила скороговоркой: – Может быть, Кира сама?

– Я справлюсь! – отрезал он.

«Значит, у него что-то серьезное, не просто так хромает, раз она всполошилась».

Кира хотела было уверить его, что прекрасно допрыгает до машины на одной ноге, но Антон подхватил ее на руки и понес к стоявшему поодаль кофейного цвета «Фольксвагену Поло». Передняя дверца была гостеприимно открыта, а сиденье откинута, чтобы она могла ехать полулежа.

– Нормально?

Он навис над ней, но в этой позе не было угрозы – и глаза, и губы улыбались. Никакого напряжения в лице, будто ему и впрямь было совершенно нетрудно ее перенести. От Антона шло тепло, которое хотелось потрогать.

У Кире слегка сбилось сердце от этой живой солнечной волны, накрывшей ее с головой. Она поймала себя на мысли, что впервые со времен знакомства со Станиславом другому человеку удалось смутить ее своей близостью.

– У вас глаза цвета моря – не синие, не зеленые. Морские. Вы должны были приехать сюда, – неожиданно проговорил Антон. – Бог вас пометил... Вы же останетесь?

– Не знаю. Хотелось бы...

– Что мешает?

– Пока у меня ни жилья, ни работы.

– А нам как раз нужен администратор!

Она усмехнулась:

– Это ты сейчас придумал?

Рука, натянувшая ремень безопасности, замерла над ней:

– А я только хотел предложить перейти на «ты»!

Кира засмеялась:

– Ну, пристегни же ремень!

Он потянул широкую лямку:

– Любишь опережать события?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга молча, потом он усмехнулся:

– Глупость брякнул. Больше не повторится.

«Никогда?!» – чуть не вырвалось у нее.

Устроившись за рулем, Антон произнес уже весело:

– Если б мы не спешили спасти твою коленку, я покатал бы тебя по городу. Он заслуживает персональной экскурсии.

Кира собралась с духом:

– А что, если как-нибудь потом? Когда моя нога заживет...

– Устроим! – оживился он. – Отлично! Я тебе расскажу все местные легенды.

Вел он мягко и уверенно, на поворотах Кира ни разу не поморщилась от боли. Чтобы не коситься на Антона, она поглядывала в окно, пытаясь запоминать названия улиц. В ее подмосковном городке тоже была Садовая, как и в Москве, но, конечно, не было Скалистой, Орлиной и проезда Теплой Бухты. Кира невольно улыбалась, вслушиваясь в их звучание: «Я нашла свой Зурбаган...»

Ей нравилось, что улочки змеились, путая приезжих, пытались заманить старыми каменными лестницами в полусумрак чужих дворов, где шла тайная жизнь, которую нестерпимо хотелось подсмотреть. Все эти дни здесь Кира этим и занималась: на цыпочках поднималась и спускалась, цепляясь за стены, слепленные из камней разной формы и величины еще, казалось, в Средние века. А возможно, так оно и было.

Кира ни у кого не выясняла, сколько лет этому маленькому городу и кем он основан, для нее каждый переулочек возникал на глазах, вырастая прямо под ее ногами. То, что она жила здесь в детстве с родителями, не имело значения, ведь те воспоминания затерлись в памяти и больше походили на сны. Забылись и потоки запахов, и целый оркестр звуков, в котором диссонировали резкие кошачьи вопли и гудки автомобилей.

Последние были точно из другой жизни... Здесь хотелось ходить пешком, с одной лишь бутылкой воды в сумке – больше ничего и не нужно! Впитывать взглядом смешные вывески над кафешками и магазинчиками – в Москве таких не увидишь. Столичная парадность чужда крымским городкам, которые кому-то могут показаться захолустными, но Кира наслаждалась их живой прелестью. Ее красота была под стать этим местам – естественная, не отшлифованная в салонах. Кира не отдавала себе в том отчета, но чувствовала себя своей на этом солнечном берегу.

Впрочем, не хуже ей было и у родителей в Подмоскovie, которое отличал налет провинциальности в сравнении со столицей, куда на время переселил ее Станислав. Кира искренне восхищалась Москвой, но всегда понимала, что там она – гостья. Столица была для нее великовата...

* * *

В коридоре травмпункта было темно и зябко, точно за порогом и не веселилось солнце. Как-то отец рассказывал Кире, что под наркозом, когда ему удаляли половину желудка, он блуждал в похожем же коридоре, залитом мертвенным светом. Там было пусто, гулко и холодно. Даже в забытии он ощущал, как его пробирает озноб, и, выходя из наркоза, стучал зубами, так что безжалостная старая санитарка, всаживавшая клизму, укрыла его дополнительным одеялом.

Антон усадил Киру на больничную скамейку без спинки, ласково подвинув толстую тетку с окровавленным большим пальцем ноги. Ей и одной явно не хватало этой скамьи, но он как-то ухитрился впихнуть Киру, и тетка не возмутилась. Он просто улыбнулся ей...

«Этот рыжий умеет очаровывать людей», – отметила Кира, но не поняла с ходу – одобряет это или нет. Ей самой это никогда не удавалось, она была слишком застенчива. Людей, с кем Кира сразу чувствовала себя свободно, можно было пересчитать по пальцам. За три года Станислав так и не вошел в их число...

От ледяной стены по спине разбежались мурашки, и девушка отклонилась, чтобы ко всему прочему не простудиться. Где-то позвякивали хирургические инструменты, и всякий раз Кира содрогалась от этих звуков. Ей хотелось зажать уши руками или запеть во весь голос. Но она знала, что никогда не позволит себе ни того ни другого.

Наклонившись, Антон шкодливо ухмыльнулся:

– Зрелище не для слабонервных...

Напротив маялся старый бомж, поддерживая одной рукой другую. Узкий коридор не мог поглотить исходившего от старика запаха, и Кира едва удерживалась от того, чтобы не зажать нос. Но наверняка старик заметил бы это, а она давно дала себе слово никого не обижать без особой необходимости. У нее не хватило духу сказать Станиславу, когда тот уходил, что без него ей станет легче дышать. А стоило бы... Все эти годы с ним Кира изо дня в день ощущала, какая давящая сила исходит от этого недоброго человека.

Она огляделась: сюда, в травмпункт, обращался кто-нибудь со ссадиной на душе?

Справа молодой татарин держал на коленях маленького мальчика с распухшей лодыжкой. Заметив Кирина взгляд, он сказал, хотя она ни о чем и не спрашивала:

– Со шкафа на кровать прыгал. Всегда – ловко. А тут...

И поцеловал черную макушку сына.

Антон шепнул:

– Я тоже тут побывал однажды...

Вздрагнув («я и забыла о нем!»), Кира повернулась:

– А с тобой что случилось?

Спросила больше из вежливости. В этом сумрачном месте ее охватила необъяснимая апатия. Не хотелось ни разговаривать, ни думать.

– Голову расшиб, – охотно пояснил он. – Хотел срезать через парк, уж не помню, куда неся... Нырнул в дырку в ограде – сто раз же там лазил! А тут не рассчитал и башкой о металлический штырь – бабах! Кровищи... И, главное, я так растерялся! Стою и не могу сообразить, что делать.

Очнувшись от нахлынувшего на нее безразличия, Кира содрогнулась:

– Ужас... И как же ты?

Антон едва заметно кивнул на старика:

– Вот такие друзья помогли. Они там в развалинах ресторана распивали... Не поверишь, у всех бомжей, оказывается, есть аптечки, им Красный Крест раздает или кто-то вроде него.

Целой толпой кинулись меня спасать! И рану промыли и перебинтовали, чтоб я смог до травмпункта дотопать... Спасли, можно сказать. А ты говоришь – запах...

– Я не говорила! – возмутилась Кира и ужаснулась: «Неужели произнесла вслух?»

– У тебя на лице написано, – невозмутимо пояснил он. – В общем, уже здесь меня заштопали и бинтами заново так замотали, что мама, когда меня увидела, первое, что сказала: «Шариков...» Даже мама! Представляешь, как я выглядел?

«А про ногу ничего и не сказал... Это не связано с травмой? Или настолько серьезно, что не хочет рассказывать?»

Опустив глаза, чтобы не выдать любопытства, она осторожно спросила:

– А вы с Ларисой вдвоем живете?

– Почему? Еще бабушка с нами. Хочешь спросить, где мой рыжий папочка? Ушел в закат...

Она ахнула:

– Умер?

– Нет, живехонек. Удрал на Запад. Где-то в Германии сейчас вроде. Под немца косит. Они же бывают рыжими... Да ты не делай такие глаза, это сто лет назад было, еще в девяностые. Тогда все в Европу пытались просочиться. А теперь назад побежали. Многие наши немцы в Крыму строятся. Вон несколько деревень отгрохали.

– А там чем хуже?

– Угадай! У нас триста солнечных дней в году, а там – шестьдесят, что ли... Немцы же тоже люди.

Она подавилась смешком:

– Не сомневаюсь!

Оглянувшись, Антон соорудил виноватое выражение:

– Очередь что-то не движется. Слушай, я выскочу ненадолго... Может, тебе принести чего-нибудь? Воды? Шоколадку?

– А ты куда? – забеспокоилась она.

– Да курить хочется...

– Ты куришь? – Это почему-то ее удивило.

– Никак не брошу, – признался он покаянно. – Мама мне мозг точит... У меня дед от рака легких умер, есть предпосылки.

– Да ну тебя! – Кира почувствовала, что испугалась всерьез. – Не надо думать о таком, а то притянешь еще...

Когда Антон вышел, несколько раз оглянувшись и помахав ей на пороге, грузная соседка прохрипела:

– Ишь, какой молоденький, а заботливый. Поди сыщи такого...

Кира не удержалась:

– А видно, что моложе?

– А как ты думаешь?

«А вот это обидно, – насупилась она. И спохватилась: – Да о чем я?! Кто мы друг другу?...»

Но слова проросли... Да так стремительно, что пока Антона не было, Кира покрылась гранитом, о который разбиваются даже самые настойчивые волны. Он вернулся вовремя: толстая соседка как раз укувыляла в кабинет врача, и никто еще не успел занять место рядом с Кирой.

Закинув длинную ногу на ногу, он оглядел коридор:

– Не поверишь, но я всегда последний в очереди. Передо мной – толпа, а за мной – никого.

– Ну, очередь-то я занимала... Ты не торопиться? Необязательно сидеть тут со мной. Я могу вызвать такси.

Он удивленно захлопал ресницами:

– Ты меня спроваживаешь?

– Нет, но...

– Значит, да. Я тебе надоел?

– Да нет же! – Ей стало неловко. – Я тебе страшно благодарна. Мне просто неудобно отнимать у тебя время.

От того, что его глаза перестали улыбаться, Кира чувствовала себя так, будто ни с того ни с сего пнула доброго пса. Он просто хотел быть рядом и ничего не требовал взамен, а получил под ребра...

Вдохнув всей грудью, она решительно накрыла его руку своей:

– Если можешь – останься. С тобой мне не так страшно.

– Квест только вечером, – ответил он. – У меня еще куча времени.

– Квест?

Его губы расплзлись в улыбке удовольствия.

– «Кошки и книжки».

– Ух ты...

– Догадываешься, кто будет шустрым рыжим котом?

– Ты?

Он дурашливо захлопал в ладоши:

– Угадала! Угадала!

Подавившись смехом, Кира боязливо оглянулась на кабинет врача:

– Тише ты... Нас сейчас выгонят отсюда.

– Тогда я сам тебя заштопаю, – обнадежил он. – Думаешь, мне слабо?

Она прислушалась к себе и удивилась:

– Нет. Не думаю. Тебе, похоже, все нипочем. Ты – крутой пацан, да?

– Пацан?! Думаешь, я младше тебя?

– А то нет! Сколько тебе? Двадцать... два?

– Двадцать шесть.

– А мне тридцать. – Кира постаралась произнести это без уныния в голосе. – Юбилейный год.

– Подумаешь, разница-то...

Ответить она не успела. Дверь кабинета врача отворилась, и оттуда, охая и, кажется, матерясь вполголоса, выползла толстуха. Ее взгляд скользнул мимо Киры, но на лице Антона задержался:

– Подержи-ка...

Ее сумка плюхнулась ему в руки. Мгновенно скорчившись, как Квазимодо, он шепеляво пропищал:

– Что мне с этим делать, богиня? Прикажете поднести?

– Артист, что ли? – хмыкнула она. – Хорошенький... Ну-ка, доведи меня до машины, пока твою... барышню... обрабатывают.

«А вдруг он не вернется за мной?» – испуг обжег лишь на миг, но из кабинета потянуло лекарственным запахом и, как показалось Кире, запахом крови... Это отвлекло, и она не стала провожать взглядом Антона, даже не присевшего под весом «богини», облапившей его плечи.

– Что у вас? – спросил молодой врач, не отрываясь от записей.

– Колено, – отозвалась Кира с порога и похромала к стулу. – Упала с велосипеда.

Она не стала добавлять, что все произошло на пороге «Кошачьего царства».

– Полис с собой?

– Полис! – покаянно спохватилась она. – Он дома. Я могу привезти потом.

Травматолог вздохнул:

– Ладно. На кушетку.

Не сразу сообразив, что это было сказано ей, Кира медлила, и доктор наконец поднял глаза. И вдруг улыбнулся:

– Да что вы так боитесь?

– Заметно? – Она сконфуженно усмехнулась.

– Уколы сделаю, больно не будет.

Раскладывая новые инструменты пожилая медсестра обернулась от изумления. Видно, обещания укольчика звучали здесь крайне редко.

– Спасибо, – проникновенно произнесла Кира. – А ходить я смогу?

Он насмешливо ухмыльнулся.

* * *

– Далековато от нас, – заметил Антон, остановив машину у одного из домиков, налепившихся друг на друга на склоне горы.

Здесь Кира сняла комнату у полной, одышливой пенсионерки с удивительно розовым лицом, увенчанном серебристым пушком. Каждое утро Киру будили ласковые причитания Людмилы Васильевны, разыскивавшей в саду своих кошек:

– Кысы-кысы-кысы, куда же вы спрятались? Кушать пора.

Бандитского вида тощие кошки держали Киру в страхе. Какая-нибудь из них обязательно сваливалась под ноги в самый неожиданный момент и жмурилась от удовольствия, наслаждаясь страхом навязанной им соседки. Как призраки ночи, кошки бесшумно передвигались по переплетениям виноградных лоз, по металлической крыше, по ветвям старого инжира, возвышавшегося над домом. Они все видели, для них не оставалось секретов.

Однажды, проснувшись ночью, Кира вскрикнула от ужаса, увидев на открытом окне темную фигурку, наблюдавшую за ней. Желтые глаза светились тревожными маячками.

– Что тебе нужно? – прошипела Кира, надеясь напугать кошку. – Пш-шла вон!

Откровенно фыркнув, зверюга спрыгнула во двор и пропала в темноте. А Кира с тех пор на ночь закрывала окно, оставляя только небольшую щель. Хотя девушка не особенно удивилась бы, если б одна из кошек все равно сумела бы просочиться в комнату...

– Тебе помочь подняться? – спросил Антон, остановившись у тропинки, ведущей к калитке дома.

Оценив подъем, Кира вздохнула:

– Хорошо бы...

– Без вопросов!

– Но спросил же. Торопишься?

– Не настолько... Просто подумал, что тебе может быть неудобно. Ну, знаешь – некоторые хозяйки не любят, когда постояльцы водят гостей. Твоя как?

– Не знаю...

У Киры не появилось тут ни друзей, ни даже знакомых, она никого не приглашала в гости. Оказалось, одиночество в чужом городе завораживает, как новая книга. Каждый день Кира открывала новые переулки и скверы, дикие пляжи и маленькие кафе на окраине. Ее тянуло бродить по улицам, наблюдая за людьми, прислушиваясь к разговорам. И в каждом уголке города находить запах моря... Ни один аромат не несет в себе столько смысла и такой сонм историй и воспоминаний. Все они оседали в душе – и пришедшие на память, и придумавшиеся, ведь Кире не с кем было поговорить, кроме себя самой. Это было внове, но казалось ей не просто удивительным, но и прекрасным.

Последние года два Кира так часто представляла себе день, когда поселится на морском берегу, что, оказавшись здесь, погрузилась в состояние полусна, полубреда. В первый же день,

выбежав за порог, поняла – вот такое утро ей виделось бессчетное количество раз: она скользит по еще сонной солнечной улочке, одетой в каменные изгороди, а счастье идет за ней по пятам. Они спускаются к морю, отыскивая его по голосу... Их встреча становится той самой – единственно важной, – ради которой она и прожила три десятка лет.

– Думаю, можно рискнуть, – ответила она Антону. – Если не пустит тебя, значит, не судьба.

Его широкие брови поползли вверх.

– Не судьба?! А ты веришь в судьбу?

Она пожала плечами:

– Я всю жизнь чувствовала, что должна жить у моря. Здесь мое место. И вот я тут. Разве это нельзя назвать судьбой?

– Нет. Ты просто взяла и приехала сюда. При чем тут судьба? Вот если б ты выиграла в лотерею дом у моря, это можно было бы назвать судьбой.

– Дома нет, – засмеялась она. – Только этот – кошкин дом...

– Крым вообще кошачий полуостров. Ты заметила?

– Да, они тут повсюду.

Он беззвучно рассмеялся:

– Больше только на Тасиро.

– Где?

– Ты не слышала про такой японский остров? Его еще называют Кошачий остров. Их там больше, чем людей.

– Не слышала... – озадаченно призналась Кира.

– Темноватенькая ты. – Он вдруг погладил пальцем ее щеку. – Но это не страшно. У тебя ведь теперь есть я – умный и красивый.

– Нахал! – рассмеялась она, ткнувшись лбом в его плечо. Оно было крепкое и теплое. – Ну что, пойдем?

Еще раз смерив взглядом расстояние до калитки, Антон демонстративно размял плечи:

– Прыгай на руки. Я тебя занесу, а то крутовато здесь. Еще швы разойдутся...

– Не должны. Доктор сказал, что я могу ходить. Но...

Она неуверенно обвила рукой его шею:

– Поехали?

Обезболивающее пока действовало, и другие ощущения, которых Кира не улавливала час назад, дали о себе знать. Ладони Антона были горячими. И напрасно он поворачивался так, что лицо его оказывалось чересчур близко: один неровный шаг, и уткнется губами ей в щеку...

– Да не напрягайся ты, – выдохнул он. – Я не собираюсь...

– Чего не собираешься?

– Ничего. Просто донесу тебя до комнаты и уйду.

Они с трудом справились с массивной металлической калиткой, чуть не застряли на маленькой веранде, столкнувшись с хозяйкой, привычно запричитавшей:

– Ой, да что это с вами приключилось, Кирочка? Чем вам помочь?

– Накормить и спать уложить, – вместо нее отозвался Антон. – Завтра будет как новенькая.

Кира возмутилась:

– Завтра?! Да мне только через неделю швы снимать!

– А-а, шалунья! – Он хитро прищурился. – Поболеть хочешь? Чтобы за тобой поухаживали?

– Так некому же, – ответила она в тон.

– А я на что?

– А при чем здесь ты?

Сказала – и куснула губу до боли: «Черт! Как я могла такое...»

На его месте она просто разжала бы руки – вались на пол, разбивай второе колено! И ушла бы, чтоб больше никогда не возвращаться. Нельзя прощать хамство, даже едва проклянувшееся, иначе оно вымахает выше тебя, как крапива, сожжет до костей – и человека, угодившего в него, и тебя самого. Она знала это наверняка, вытерпев три года со Станиславом...

Но Антон не сделал ничего из того, что пришло ей на ум. Остановив хозяйку: «Не включайте свет! В глаза будет бить...» – он осторожно опустил Киру на постель в полутемной комнате и выпрямился. Мельком взглянул на Людмилу Васильевну, и – чудо! – она исчезла.

– Ты испепелил ее взглядом, – усмехнулась она. – Теперь за меня возьмешься?

На его лбу блестела испарина, и Кира с опозданием догадалась, как же Антону больно было тащить ее наверх, если с ногой у него что-то не так... Зачем надрывался? Уж она доковыляла бы как-нибудь...

Вытереть ему лоб Кира не решилась, пусть думает, будто она ничего не заметила. Ухватившись за деревянное, красиво изогнутое изголовье старой кровати, он слегка склонился, изучающе вглядываясь в ее лицо, точно пытался прочесть нечто важное. Кира замерла: «Поцелует?» Ее сердце громко отсчитывало секунды...

– Отдыхай, – шепнул Антон. – Если я понадобится, вот визитка. Звони в любое время.

Положив карточку на подоконник, он постоял немного, постукивая по нему ладонью, и шагнул к порогу:

– Ну, пока!

– Без тебя здесь станет совсем темно.

Она проговорила это совсем тихо, но Антон услышал. И отозвался:

– Это то, что тебе сейчас нужно. Темнота. Покой. Сон. А завтра... Будет завтра!

Его смешок растаял за дверью, которая тут же снова скрипнула, впуслав Людмилу Васильевну, державшую в руках потемневший от времени серебристый поднос, на котором кроме чашки с чаем стояли вазочка с печеньем и розетка с вареньем.

– Ну что вы, зачем? – вяло воспротивилась Кира.

– Покушайте, деточка, – проворковала хозяйка. – А потом спать, спать... Лучше сна лекарства еще не придумано.

Но сразу уснуть не получилось. Рановато было, хотя за окнами по-южному давно сгустилась тьма, монотонно звучащая голосами цикад. Почему-то они не убаюкивали, а заворачивали, хотелось слушать и слушать их, лежа с открытыми глазами. Из темноты наплывали неяркие вспышки прошедшего дня: больница, велосипед на дороге, кротик...

«Телефон! – внезапно вспомнила Кира. – Я его не потеряла?»

Надо было всего лишь сползти с постели и взять сумку, брошенную на стуле у двери... Но оказалось – сделать это лень. Никуда же он не денется до утра, если еще там! Только сейчас Кире пришло в голову, что найденный в лесу телефон был потерян кем-то если не сегодня, то накануне, ведь заряд до сих пор не кончился. И, может быть, женщина, писавшая те полные отчаяния послания, пока жива...

У нее засадило в душе: «Если б я не грохнулась с велика, могла бы найти ее! Остановить. Хоть через Илюшу этого...»

Правда, не очень верилось, что она решилась бы позвонить незнакомому человеку, да еще задать странный вопрос о женщине, даже имени которой не знала. О чем можно было спросить? «Та, которую вы разлюбили, еще жива?»

– Да он понятия не имеет, если бросил ее, – прошептала Кира в темноту. – Это так и бывает: человек уходит, и ты перестаешь для него существовать. Как им только удается стирать все воспоминания?

Отозвались лишь цикады – бесстрастно, как всегда. Способно ли что-нибудь взволновать этих уродливых, но прекрасных музыкантов? Кира вдруг засомневалась: с чего она взяла, что цикады уродливы? Она же ни разу не видела их... Откуда это знание? Может быть, ошибочное.

Вопросы мешали окончательно обмякнуть и незаметно уплыть из этой реальности. Почему ей не дают покоя иллюзорные люди, живущие в памяти телефона? Что ей до их проблем? Со своими бы разобраться...

Она попыталась подумать об Антоне, о том, не слишком ли груба была с ним, но этот большой, веселый человек ускользал из ее мыслей, вытесняемый маленьким телефоном. Кира вертелась в постели, каждый раз морщась от боли – анестезия перестала действовать. А что, если в эти минуты в женскую ладонь высыпалась целая горсть таблеток? Или пальцы стиснули острое лезвие? А может быть, та женщина решит уйти в море? Или такая смерть – табу для местных? Что угодно, только море не осквернять... Сама Кира не сделала бы этого ни за что, хотя родилась далеко от этого берега.

– Гадство! – вырвалось у нее.

Рывком отбросив покрывало, она села на постели, спустила на пол здоровую ногу, потом – осторожно! – больную. В колене дергало и ныло, но это было вполне терпимо. Наверное, начало работать обезболивающее, которое принесла Людмила Васильевна. По пути в туалет Кира позабавилась мыслью, как безропотно проглотила таблетку, принесенную ей хозяйкой. А в детективах часто такие милые старушки с розовыми лицами оказываются безжалостными убийцами.

На обратном пути Кира прихватила сумку и нашла в ней телефон. Рука нащупала его не сразу, и момент испуга она успела пережить: «Потерялся?!» Но телефон был тут и даже не разрядился окончательно. И все так же застенчиво улыбался со снимка Илья...

– Красивый, – прошептала она, глядя на тусклую фотографию. – Понятно, почему она сходит с ума по тебе...

Было около одиннадцати – поздно вато для звонка, но вряд ли молодой парень уже лег спать. Набрав его номер на своем телефоне, Кира несколько мгновений боролась со страхом, оглушенная собственным сердцем, потом решительно нажала кнопку. От его голоса в трубке у нее свело в животе.

– Илья? – выдавила она.

– Да, – равнодушно ответил он. И добавил: – Слушаю вас.

– Простите за поздний звонок. У меня к вам срочное дело. Предложение...

– Съёмка для портфолио или мероприятие?

На миг она замешкалась: «Какая съёмка?!» Но тут же сообразила: да он – фотограф!

– Ме... Мероприятие.

– Детское? Свадьба?

– Детское. Мы можем с вами встретиться и... И все обсудить?

– Если только утром. В одиннадцать устроит? Потом у меня съёмка. Где вам удобно?

Мысли панически заметались, и как-то само вырвалось:

– В «Кошачьем царстве». Это...

Послышалось нечто похожее то ли на смешок, то ли на сдавленный возглас удивления.

– Знаю, – откликнулся он. – До завтра.

И первым нажал «отбой». А Кира еще некоторое время сидела в оцепенении, прижимая трубку к уху, оглушенная совершенным. Затем тяжело откинулась на подушку и замерла. Дыхание срывалось, точно она пробежала стометровку – это у нее неплохо получалось в школе.

«Вот это я вляпалась, – пульсировало в голове. – Что я ему скажу?! Как можно вообще заговорить о таком?»

До утра надо что-то придумать, решила она, глядя на кипарис, смотревший на нее сквозь незавешенное окно. Утро рассыпало по резным ветвям солнечные искры, но сейчас дерево выглядело черной пирамидой – мрачным стражем ее сна.

«Если усну», – Кира попыталась слегка подвинуть ногу и замерла. Показалось – кожа лопается, а швы рвутся в лохмотья от каждого движения. Если б Станислав был рядом, он погладил бы ее по голове, промычал бы колыбельную без слов... Такие минуты бывали у них – они и удерживали Киру. А его не смогли. Если бы он снова оказался рядом, спел бы ей? Конечно, сфальшивил бы, как всегда, но это неважно – в песне. Он сфальшивил в главном – вот отчего и внутри ее все было в лохмотьях. С той девушкой, подогнавшей себя под желанный ему стандарт, счастлив?

Не давало покоя, почему только через три года открылось, что Кира не заслуживает его сердца? Нос у нее вздернутый... И форма бровей не модная. Да и грудь не помешало бы увеличить... Это могло бы сделать его счастливым? Почему, когда они встретились, Станислав не заметил всего этого? Ведь нос и тогда был не идеальным...

– Ты не захотела меняться ради меня, – бросил он, собирая вещи. – Любящие женщины на все готовы ради мужчин.

Это означало: нужно было ложиться под нож пластического хирурга снова и снова, потому что все в ее теле было несовершенно. Кира не могла поверить тому, что слышит – случилось, они вместе хохотали над «девушками-барби». Что должно было случиться, чтоб ему стали нравиться губы «уточкой»?

– Фу, какой примитив, – поморщилась мама, когда Кира выплакала горе ей в плечо. – И ты потратила на него три года своей жизни? Плюнь и забудь.

Кира кивала, вытирая слезы. И была согласна в душе с тем, что лишь последний кретин может требовать от любимого человека подобного. Но почему-то ей никак не удавалось изгнать этого кретина из своих мыслей и из души...

Ночь обещала быть длинной.

* * *

Вернулся Антон сам не свой. Лариса угадала это сразу и внутренне сжалась от понимания: произошло то, чего она так ждала и боялась – ее сын влюбился. Так, как была способна и она сама, – только чиркнув взглядом.

Потом наступало время открытий, не всегда приятных, влекущих разочарование... Пора отторжения и расставания, иногда затягивавшегося на месяцы, если не на годы. Но когда все ее существо было околдовано кем-то еще загадочным и от того безупречно-прекрасным, Лариса теряла голову и готова была шагнуть в любой омут – лишь бы с ним. За ним...

Вот почему первой ее реакцией, когда она увидела искрящийся туман в глазах Антона, был страх. Она боялась за него всегда. Панически, безотчетно... И жизнь показала, что инстинкт не обманывал – бояться стоило. Еще как.

Наступило время, когда мать не может быть рядом каждую минуту, и беда поймала Антона в сети. Конечно, Лариса всю энергию своего маленького тела направила на то, чтобы вытащить сына из черной депрессии, утянувшей его, как тряпина. Но когда он угодил в это горе, о котором они старались не вспоминать, ее не оказалось поблизости. И Лариса до сих пор не могла простить себе этого.

Младенцем Антон спал с ней в одной кровати – было спокойней, когда она слышала его дыхание, чувствовала копошение под боком. «Приспать» ребенка, как говорили соседки, Лариса никогда не боялась. Для нее не составляло труда проснуться мгновенно, едва сын начинал кряхтеть, словно старичок, поначалу такой же лысенький и сморщенный.

– Ты такой красивый, – шептала она, восхищенно разглядывая красные, морщинистые ступни и покрытые диатезными чешуйками ручки. – Самый чудесный мальчик...

То, что рыженький малыш походил на отца, ничуть не огорчало ее – тогда она любила мужа со всей страстью, на какую была способна. А возможности ее в этом оказались велики. Уже после его отъезда в Германию Ларису еще раз накрыло любовью по десятибалльной шкале, и она до сих пор благодарила Бога, что выбралась из этого испытания живой. Ведь она еще была нужна сыну.

До этого дня – просто необходима...

Но когда он вернулся домой, сопроводив Киру в травмпункт, Лариса сразу увидела, что ее собственному отражению больше нет места в любимых глазах. Хотя Антон старался казаться беспечным, как всегда... Чего это стоило ему уже не первый год, никто, кроме матери, не подозревал. Другие могли догадываться, но только Лариса видела его рыдающим, отчаявшимся, полным ненависти ко всему миру. И сумела излечить душу сына... По крайней мере, исцелить до того состояния, когда Антон стал способен надевать маску жизнерадостности самостоятельно.

Теперь он мог выжить без матери.

– Ты доставил девушку домой? – зачем-то спросила она, слегка растерявшись от его нового взгляда.

Это и так было очевидно. Антон не способен бросить попавшего в беду. Хотя его в тот год бросили все, кроме матери. Но Лариса скорее вырвала бы себе язык, чем позволила себе напомнить сыну, чем он ей обязан.

Медленно повернув голову, точно требовалось проникнуть в привычный мир через защитную пелену, Антон кивнул:

– Теперь я знаю, где она живет.

– Кира, правильно? У нее удивительные глаза.

– Она вообще удивительная.

«А вдруг это действительно – та самая девушка?» – вместо ревности, которую приписывают матерям, Лариса ощутила прилив ликования. Если нашлась единственная, способная заменить ее сыну мать, это же настоящее счастье! Наконец-то ее душа станет спокойна за сына, и не потребуется больше просыпаться каждую ночь, чтобы прокрасться к его комнате и вслушаться – спит ли? Все ли в порядке? Она перельет свое гигантское чувство ответственности в душу его жены и сможет вздохнуть спокойно. Может быть, даже заживет своей жизнью... Вот только что это такое – жизнь вне проблем и интересов сына – Лариса пока представить себе не могла.

– Что-то у нас пусто сегодня, – заметил он, окончательно вернувшись к реальности.

– Слава богу, – легко отозвалась Лариса. – А то я не справилась бы без тебя.

Антон покачал головой:

– Справилась бы... Ты с чем угодно справишься.

– Если ты так пытаешься подготовить меня к тому, что скоро я могу остаться одна, не старайся! К этому я давно готова. – Она улыбнулась, чтобы сын не заподозрил бравады на грани слез. Их ведь не было, даже в глубине души не созрели.

Присев за столик, он посмотрел на нее исподлобья:

– Мам?

– Что такое? Думаешь, я кривлю душой? Ничего подобного. Я люблю тебя. Понимаешь, что это значит? Я хочу, чтобы ты был счастлив. Все. И никаких условий... Ты голоден? Ужин давно готов, я сейчас принесу.

– Бабушка спит?

– Конечно. Посмотри на часы!

Скрывшись на кухне, Лариса беззвучно рассмеялась: «Смешной!» Кажется, он не до конца ей поверил. Фрейд со товарищи задурили головы целым поколениям, внушили всякие мерзости... А материнская любовь проста: отдать ребенку последний глоток кислорода. Лишь бы жил. Требовать отдачи – значит расписаться в ущербности своей любви. В ее корыстности. Лариса любила сына бескорыстно.

На ужин она приготовила картофельные ватрушки, и хотя было уже поздновато наесться, они все же дали себе волю. Антон был голоден от волнений, которые теперь выплескивал на мать:

– Она испугалась, что я воспользуюсь ее беспомощностью, представляешь? Я по глазам увидел... Это что же за уроды ей попадались до сих пор?!

– О, таких полным-полно. – Задумавшись, Лариса вертела перед глазами сочный кусочек помидора, с которого капало красное. – Жаль, что девочке пришлось столкнуться с подобным... Впрочем, мы еще ничего о ней не знаем.

У нее непроизвольно выскочило это «мы» – до сих пор они с сыном всегда были заодно. Лариса взглянула на него вопросительно, но, кажется, Антон не обратил внимания. Он был слишком занят мыслями о Кире. Его крупные губы подрагивали, будто их разговор продолжался...

Лариса попыталась поймать его взгляд:

– Или она успела что-нибудь рассказать о себе?

Продолжая жевать с аппетитом, что она всегда так любила в сыне, Антон мотнул головой:

– Кира не болтлива.

– И это хорошо. Только не заговори ее до смерти.

Хмыкнув с набитым ртом, Антон промычал:

– Я постараюсь.

Салфеткой сняв картофельную крошку с уголка его рта, Лариса спросила:

– Она придет к нам?

Он громко сглотнул и посмотрел на мать серьезно:

– Я очень на это надеюсь.

– Она придет.

– Откуда ты знаешь?

– Если бы я на новом месте встретила хороших людей, то не упустила бы их.

– Это мы-то – хорошие люди?

Лариса опешила:

– Разве нет?

– Шучу-шучу! Конечно, мы – хорошие. Особенно я. Опять шучу. Особенно – ты. Вот это уже всерьез.

– Думаю, я и вправду – неплохой человек. – Лариса рассмеялась. – Твой отец звонил.

Перед ее глазами мелькнула вилка:

– Ого! С чего это вдруг?

– Спрашивал, как ты... Живописал красоты Баварии.

– Там и вправду ничего.

– Ты тоже покопался в Интернете?

– И ты? Ну, это объяснимо, правда? Он наконец нашел работу?

Теперь ей стало по-настоящему смешно:

– Все еще живет на пособие! И считает, что неплохо устроился. Не понимаю я этих немцев: зачем они пустили в страну столько дармоедов?

– У них комплекс вины после Второй мировой. – Антон отправил в рот последний кусок ватрушки и закатил глаза. – М-м... Вкусно, мам. Они грехи замаливают всей нацией. Разве не так?

Она промокнула со стола каплю помидорного сока:

– Ну, перед Россией понятно. А при чем тут, простите, страны третьего мира?

Выпучив глаза, Антон произнес по слогам:

– То-ле-рант-ность.

– То есть терпимость. Если вспомнить, что бордели называли домами терпимости, это слово приобретает иной оттенок.

– Мама! – протянул он с упреком и поцокал языком. – Откуда ты знаешь о таких вещах? Кто тебе рассказал?

– Да ну тебя! – усмехнулась она и бросила взгляд на окно, за которым давно сгустилась темнота. – Мы – полуночники. Если так пойдет, скоро сами превратимся в кошек.

Его мысли опять улетели к окну Киры:

– У ее квартирной хозяйки тоже куча кошек. Не своих, как я понял, она их подкармливает. Почему одинокие женщины обзаводятся не детьми, а животными?

– Ответственности меньше? – произнесла Лариса полувопросительно. – К тому же никто не позволит одинокой женщине усыновить ребенка.

– Я имел в виду своих детей.

– А если не от кого родить?

У него внезапно вытянулось лицо:

– Это ты про себя?

– Что ты! – испугалась она. – Я и не собираюсь никого рожать! Зачем? У меня есть сын. Надеюсь, скоро будут внуки.

Он часто заморгал:

– Ты... Ты готова к роли бабушки?

– Всегда готова! – Лариса вскинула руку в пионерском салюте. – Жду не дожусь.

– Ты серьезно?

– Вполне.

Антон все равно смотрел на нее с недоверием:

– Но это же... Это слово... Оно звучит... по-старушечьи, – пробормотал он.

Стрекот цикад за окном зазвучал тревожно. Лариса покачала головой и улыбнулась:

– Это смотря кто его произносит... Когда любимый малыш, оно звучит, как песня.

Однажды Лариса действительно задумалась над этим. Еще в то время, когда Антон был здоров и рвался покорить все вершины в мире. Вокруг него всегда вились красавицы, хотя богатым наследником его не назвать. Но в нем чувствовалась такая энергия радости, которая притягивала, точно источник жизни и вечной молодости. Наверное, его подружки чувствовали себя с ним, как под лучами летнего солнца, и не могли отказаться от этого.

Когда сияние внезапно угасло, они бросились врассыпную... И мысли о будущих внуках тоже погасли, как маленькие искры. Но Лариса успела представить себя в окружении рыженьких малышей – ползающих, играющих пирамидками и собирающих из «Лего» за2мки. Это были и ее малыши тоже, ведь в каждом текла частичка ее крови. И горячая капля тянула неудержимо...

Та померкнувшая со временем картинка была моделью ее счастья. Ничего более прекрасного Лариса так и не сумела вообразить.

«Бабушка, – шептала она ночами. – Я хочу стать бабушкой. Это звучит так нежно...»

В то время ей едва исполнилось сорок.

* * *

Первое, что Кира увидела в «Кошачьем царстве», был закручивающийся спиралью слоган: «Расслабься и созерцай».

Под ним на пуфике восседала зеленоглазая царица Кошка – изящная, дымчато-серая, с маленькой золотистой короной между ушами. Кира хотела присесть на корточки, чтобы получше разглядеть, из чего она сделана, но вовремя вспомнила про больное колено.

Рядом с кошкой поблескивала зеленая вазочка с печеньем, похожим на подушечки кошачьего корма.

– Внутри – пожелания детям.

Она обернулась на голос, ничуть не удивившись. Кого еще она могла встретить тут первым?

– А ты совсем не хромаешь, – одобрительно заметил Антон. – Я увидел тебя из окна.

«Не сердится». – Она с облегчением улыбнулась.

– Но велосипед я пока не осилю. Можно он еще поживет у вас?

– Пусть поживет. Могу его усыновить!

– Нет уж! Он мне самой пригодится.

– Ладно, – легко согласился он. – Возьми печенинку с пожеланием.

Кира попыталась было возразить, дескать, обедать детей не в ее правилах, но Антон протянул ей вазочку. Сдавшись, она взяла печенье, торчавшее сбоку, и аккуратно разломала. Антон подсказал:

– Одну половинку – в рот, а записку читай.

– Вкусно, – промычала она, распробовав овсяный привкус. И развернула бумажку.

На маленьком листке значилось: «Сегодня ты попадешь в сказку!» Она усмехнулась:

– Я уже попала в сказочное царство кошек...

– Нет-нет! – Антон быстро покачал пальцем. – Это не про то... Тебя ждет настоящая сказка. Какая у тебя была любимой?

Вспоминать не пришлось.

– «Русалочка».

– А повеселее не было? – нахмурился он.

– Не помню. Вроде, нет.

– Поэтому ты приехала к морю?

Она рассмеялась:

– Чтобы обратиться морской пеной? Не, не хотелось бы!

– Тогда ладно. Пойдем? Покажу тебе наши владения.

Указав на слоган, Кира усмехнулась:

– Это сейчас мне подходит...

– А, я забыл! – Антон сжал ее локоть. – Ты пока только посетитель, так что должна соблюдать правила.

Кира спохватилась:

– Ах да. – И полезла за кошельком.

Схватив ее за руку, Антон поморщился:

– Да я не о том! Как ты могла подумать... Ты должна угадать слово дня на букву «к». «Кошка» не считается! Видишь эти окошечки? Вставь буквы. Каждый день количество букв в слове меняется, сегодня их шесть. Зато вариант можно использовать любой!

– Слово на «к»? Кошмар.

– Кошмар? – переспросил он. – Это твое состояние?

«Ну да, – уныло ответила она про себя. – Вдруг я сейчас войду в зал, а этот Илюша уже там? И что мне делать?»

– Не кактус? Король, карлик, кисель, капель, кирпич, китаец...

– Хватит, хватит. Просто первым пришло на ум!

– Ничего не бывает просто так. – Антон назидательно покачал перед ее носом длинным пальцем. – Ты должна была выбрать именно наш город. И упасть с велосипеда точно в этом месте. А я должен был оказаться на работе, хотя мы с ребятами собирались выйти под парусом.

– Он уже морочит вам голову? – донесся из зала насмешливый голос Ларисы. – Сын, оставь девушку в покое! Кира, проходите сюда. Мы тут кофейничаем...

Еще не осмыслив этого «мы», Кира шагнула мимо хвостатой царицы и остолбенела на пороге небольшого веселого зала, уставленного диванчиками, на которых развалились кошки-подушки. Со стен смеялись детские лица, такие счастливые, что невозможно было не улыбнуться в ответ. А на подоконнике сидела живая копия той зеленоглазой кошки, что встретила Киру в фойе, и с достоинством вылизывала переднюю лапу. Завидев Киру, она устремила на нее недоверчивый взгляд: показалось, будто кошка сканирует гостью, вытягивая нужную информацию. Хотя что в простой девушке могло заинтересовать царицу?

Но замерла Кира не от этого: за круглым столиком рядом с Ларисой сидел Илья. Точно такой, как на снимке. Кажется, и черная футболка было все та же... Наверняка он заметил, как она вошла, но безразличие на его лице не сменилось приветливостью. Хотя бы показной...

У Киры подкосились колени, рука сама нашла локоть Антона. Он тут же приобнял ее:

– Что? Больно?

Услышала она не сразу, но взглянула на него с благодарностью:

– Спасибо тебе. Я ведь еще не сказала.

– Да было бы за что! – отозвался он беспечно. – К вашим услугам!

Лариса махнула рукой:

– Кира! Идите к нам. Рада вас видеть.

«К нам, – повторила Кира ошеломленно. – Так это она?! Та женщина... Ее телефон? Или нет? Что тут делает Илья? Он явно чувствует себя, как дома...»

В углу зала перед телевизором, не шевелясь, сидела полная женщина с седой косой, закрученной на макушке. Голубой шелковый халат был усеян зеленоватыми лилиями. Издали она казалась декоративной цветочной горкой...

Когда Кира вошла, она даже не повернула головы. Но Антон шепнул:

– Это моя бабушка. Она немного не в себе... Ничего, не обращай внимания. Она же не знает, кто ты...

– А кто я? – машинально спросила Кира.

Он только ухмыльнулся, подвел ее к столику и отодвинул стул. С салфетки, лежавшей на столе, на Киру весело взглянул котенок. Эти животные были повсюду, и Киру внезапно охватила легкая паника, точно она попала в кошачий плен. Ни аллергией, ни астмой она не страдала, но сейчас почувствовала, как свело горло, и невозможно стало вдохнуть полной грудью. Да еще и усадили ее прямо напротив Ильи, и пришлось опуститься на стул чуть боком, чтобы смотреть не на него, а на Ларису. Сегодня она выглядела оживленнее и свежее – совсем тургеневская девушка в белом легком платье.

– Знакомьтесь, это Илья – наш замечательный фотограф. – Широким взмахом Лариса обвела рукой детские фотографии на стенах. – Это его шедевры.

– Дети – сами по себе шедевры, – отозвался он с таким выражением, будто говорил о тараканах.

– Не скромничай! Ты умеешь поймать кадр.

Вот теперь улыбнулся, отметила Кира. Его сдержанная улыбка показалась ей слепком той, что она видела на фотографии. Только выглядел он старше... Или просто казался усталым? Невыспавшимся? Взгляд не светился.

«Это из-за их недавней ссоры? Совесть мучает?» – ей хотелось разглядеть его как следует, но было неловко. Поэтому Кира только скосила на Илью глаза и уставилась на фотографии.

И сразу стало как-то легче... Глаза малышей блестели такой радостью, будто они жили в идеальном мире, где не было ни войн, ни болезней. И за их Крым не разгоралась драка между серьезными взрослыми дядьками, которые меньше всего думали об этих малышах. Ей вдруг пришло в голову жутковатое: может быть, и нет никакой трагедии, когда ты умираешь ребенком? Еще не перестрадавшим, не разочаровавшимся, любящим жизнь... Уходишь абсолютно счастливым. Разве это плохо?

– Теперь попробуй сфотографируй ребенка! – посетовал Илья, обращаясь только к Ларисе. – Нужно заручиться письменным разрешением родителей, а то в суд побегут. Хотя я же только лица снимаю...

– Боже!..

– Не шучу. Я таскаю с собой целую пачку бланков!

Они обменивались репликами, будто, кроме их двоих, никого не было в зале. Затаив дыхание, Кира следила за каждым движением Ларисины губ, пытаясь поймать гримасу горечи. Кому легко дается общение с бывшим... Возлюбленным? Любовником? Для Киры это были разные понятия. Но сейчас важнее было понять, о чем думала и что чувствовала Лариса...

Ладонь Антона скользнула по ее плечу:

– Все хорошо?

– Конечно, – произнесла Кира машинально. – Хорошо тут у вас!

«Я не успокоюсь, пока не выясню все. – От ощущения собственной обреченности сдавило сердце и пришлось поглубже вдохнуть. – Не знаю – зачем, но мне нужно знать правду».

Не подозревая, скольких людей сгубило навязчивое желание высветить то, что должно быть покрыто мраком, Кира достала телефон (тот самый!) и, держа его так, чтобы увидел даже слепой, громко провозгласила:

– Я, конечно, не фотограф... Но можно я вас щелкну на память?

И направила стеклянный глаз камеры на Илью. От неожиданности он смутился, неловко усмехнулся и закрылся, скрестив на груди руки. Кира быстро нажала кнопку:

– Отлично! Готово. Сейчас гляну...

– Теперь все играют в фотографов, – усмехнулась Лариса, обращаясь к Илье. – Благо техника позволяет.

– У меня старенький. – Кира повертела телефоном чуть не у ее носа.

Без интереса скользнув взглядом, та заговорила о том, какими снимками хорошо бы оформить музейный зал. Не узнать собственный телефон Лариса не могла. Или она настолько выше мира вещей? Да и аппаратик совсем простенький, потерять такой – и не вспомнить. Если бы не сообщения и фотография...

Илья слушал Ларису и согласно кивал, но Кире показалось, что все они для него – не более чем смутные силуэты, по которым взгляд скользит, но не различает. С его лица, от которого трудно было отвести взгляд, не сходило скучающее выражение, словно его вынуждали общаться с обитателями богадельни.

Ощувив естественную досаду, Кира открыла в телефоне фотоальбом и почувствовала, как у нее леденеют пальцы. В папке «Сохраненные» была только одна фотография. Та самая, которую она обнаружила в лесу. Но снята она была на этом вот месте и прямо сейчас... Кира подняла глаза: вот же – этот угол с пальмой в кадке у Ильи за спиной... Море за окном. И он в той же черной футболке, и руки... И скованная улыбка...

У нее потемнело в глазах.

– Тебе что-нибудь принести? – наклонившись, спросил Антон.

– А?

Он все еще стоял у нее за спиной, как слуга или охранник. Запрокинув голову, Кира несколько мгновений непонимающе смотрела на него. И вдруг порывисто, будто ища защиты, схватила его за руку. Антон наклонился:

– Ты что?

– Ты веришь в совпадения? – прошептала она.

– Как твое велосипедокрушение возле нашего крыльца?

– Вроде того...

Присев рядом, Антон тихо произнес:

– Мой дед... А он был далеко не дурак! Так вот он говорил мне, когда я был еще пацаном, что в жизни случаются такие вещи, которых не родит ни одно воображение.

«Верил в чудеса, а умер от рака». Кира отвела глаза.

– И в этом нет никакой... мистики?

– Я не знаю, о чем ты, но с мистикой я в этом мире не сталкивался. Да, всякие невероятные вещи происходили... Здесь у нас, например, живет домовый...

– Ты шутишь?

– Нет. На кухне стоит на подоконнике чашка с молоком и вазочка с печеньем – это для него. Раньше он шалил тут... Стучал поварешками... Да я клянусь тебе! Mam, скажи!

«Ее не смущает, что такой взрослый парень называет ее мамой при этом Илье? А как он должен ее звать? Ларой? Глупо. А может быть, это все же... не она?» С уверенностью Кира могла сказать только одно: Илья был тем самым человеком, который не ответил женщине, прощавшейся и с ним, и с жизнью. Что же ее спасло? Какой крючок удержал над пропастью?

После ухода Станислава для нее таким крючком стала болезнь отца: ему сделали операцию, нужно было ухаживать, и стало как-то не до своих переживаний. А когда вновь появилось время, Кира обнаружила: боль притупилась, и можно дышать, не опасаясь, будто в груди что-то лопнет, как ей казалось в те первые дни одиночества. Отец спас ее, а ведь она думала, будто вытягивает его... В человеческих отношениях такие перевертыши – обычное дело.

– Домовой действительно существует, – невозмутимо подтвердила Лариса. – Думаю, это еще домовенок – шалун невероятный! Пугал меня до обморока... Теперь задабриваю его свежим молочком. Кажется, мы ладили!

– Особенно он любит сладкую колбасу! – Антон поднялся. – Знаешь такую?

– Конечно, – улыбнулась Кира. – Кто же ее не знает?

– А любишь? Мы называем ее «Кошачья колбаска». Дети ее просто обожают! Честно. Слышала бы ты, как они визжат!

Лариса прикусила губу, сдерживая смех:

– Да ладно тебе...

– Мама сама делает. Хочешь попробовать?

– И нам с Ильей принеси, пожалуйста, – попросила Лариса.

Глядя на сына, она каждый раз улыбалась с такой нежностью, будто ему все еще было три года.

Кира невольно отметила: «При посторонних она не называет этого парня Илюшей... Это разумно. Необязательно же всех посвящать! Я для нее чужой человек. Черт! Но как же получился этот фокус с фотографией?!»

В какой момент ускользнул Антон, она не заметила... Обернувшись, почувствовав, как подуло в спину из окна, – защита исчезла. На мгновение получилось, будто она зависла в вакууме в центре Вселенной. Полное одиночество... Откуда взялось это видение?

Незаметно тряхнув головой, Кира попыталась вникнуть в разговор, начатый до нее: Илья делился планами новой выставки. На нее он не смотрел, но Кира не могла избавиться от внутренней судороги, заставлявшей ее прямо держать спину и тянуть шею. Чужой телефон в ее

сумке подавал сигналы бедствия: «Вдруг это не Лариса? С ней-то вроде все в порядке... Что, если другая женщина умерла из-за него? Или умирает сейчас... Прямо в этот момент».

За головой Ильи, отделенная стеклом, мерно шевелила длинными щупальцами пальма, неожиданно напомнившая Кире дикий испанский ананас, возле которого она присела, чтобы Станислав ее сфотографировал. В их первое, самое солнечное лето... Этот снимок ей нравился, хотя с недавних пор Кира видеть не могла собственное лицо. Слишком несовершенное... Но на той фотографии она еще казалась себе морской принцессой, всплывающей из таинственной пучины на золотисто-зеленом осьминоге.

Воспоминание отозвалось улыбкой... Поймав ее, Илья удивленно приподнял брови, но не улыбнулся в ответ.

«Проклятие! – испугалась Кира и опустила ресницы. – Интересно, что он вообразил?»

– Прошу! – Антон поставил на стол круглый поднос с четырьмя чашками и блюдом с кружочками сладкой колбасы.

– Почему не в форме рыбки?

Все замолчали и уставились на нее. В ушах зашумело, и Кира еле расслышала свой голос:

– Поднос. У вас же все тут связано с кошками... Рыбка оказалась бы в самый раз.

Лариса приподняла брови, похожие на прямые стрелы.

– Вам это кажется перебором?

Взявшись за края белого блюда, она поставила чашку перед Ильей, и тот ответил улыбкой, от которой, наверное, ее сердце и замерло впервые. Если, конечно, это она... Кира проследила за ними исподлобья, потом ответила:

– Нет, у вас тут здорово!

– Ты еще игровой зал не видела, – сказал Антон, усевшись сбоку. – Там у нас мягкий тоннель для малышей, который ведет в открытый космос. Дети обожают по нему ползать. Внутри его сидят маленькие игрушки, чтобы малыши не пугались замкнутого пространства. А то еще описаются там...

– А космос при чем?

Лариса улыбнулась:

– Они попадают в литературную галактику. У нас же не просто кафе, но главное – музей. Каждая планета – это писатель, какое-то время живший в Крыму. Практически каждый из них хоть что-то написал о кошках. Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Бродский...

– Грин, – проронила Кира.

Подавшись к ней, Лариса заглянула в лицо:

– Кто?

– Александр Грин. У него есть рассказ «Игрушка»...

– О-о. – Лариса откинулась на спинку стула, и лицо ее потемнело. – Жестокий рассказ.

– Просветите? – без особого интереса спросил Илья.

Не сводя с Кире глаз, Лариса медленно проговорила:

– Это эпизод о мальчишках, пытавшихся повесить котенка. Они играли в казнь. Виселицу построили...

Антон дернул головой:

– Веселые же книжки ты читаешь! Ты начинаешь меня пугать...

– Я люблю Грина, – ответила Кира с вызовом.

– Даже такое?

– Он же спас котенка!

– В рассказе, – заметил Илья. – А как там было в жизни – кто знает?

Кажется, в первый раз Кира решилась взглянуть ему в глаза:

– Мальчики часто бывают жестокими.

Он удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Вместо него, как обычно слегка дурачась, заговорил Антон:

– Не, виселицу мы в игровом зале решили не строить. А то еще разгуляются, казнят всех наших кошек! А потом ищи-свищи – разъедутся по разным городам...

– Хватит об этом, – поморщилась Лариса. – Я всего лишь пыталась сказать, что через кошек детям легче воспринять информацию о писателе...

«Я разозлила ее, – удрученно отметила Кира. – Теперь она точно не даст мне работу...»

Антон подхватил слова матери:

– Не так занудно! Мы им там мультики показываем, которые по книгам этих авторов сняты. Или анимацию нашей студии. Вот этот товарищ, – он указал на Илью, – ведет у нас воскресную студию «Мультик за час».

Кира решила взглянуть на Илью:

– Можно снять мультик за час?

Он только пожал плечами, ответил за него Антон:

– Еще какой! Они там такое творят!

– В зале, конечно, об их книгах можно узнать, и личные вещи есть, иллюстрации... Но это родителям интереснее.

– Мама – наш главный экскурсовод.

У Ильи вдруг просветлело лицо:

– Лариса – просто сгусток энергии. Если бы не она, я ни за что не взялся бы вести эту студию.

– Каждому нужен моторчик, – заметил Антон. – Особенно если своей энергии не хватает.

«Мне тоже не хватает, – признала Кира. – Как я вообще оказалась тут? Решилась на такое... Я же не кошка, а настоящая улитка – забиться бы в раковину и притаиться там...»

Но вслух она заговорила о другом:

– Родители тоже заползают в музей по трубе?

Быстро переглянувшись, мать с сыном рассмеялись, и Антон помотал головой:

– Не... До такого мы не дошли. Они как люди входят – через дверь.

– А в клубном зале для спокойных ребятшек есть зона с детскими столиками. Мы заказали целую партию глиняных кошек – не раскрашенных. И дети сами могут проявить фантазию. Ой, каких только расцветок мы не повидали!

Она рассмеялась, быстро переведя взгляд с Кирино лица на Илью. В этом не было ничего особенного, она ведь рассказывала им обоим, но Кире сейчас во всем мерещились знаки.

– Потом устраиваем благотворительные аукционы, продаем этих кошек, а деньги переводим в детскую больницу. Там дети с...

– И еще там в зале куча настольных игр, – перебил Антон. – Я тебя всем обучу, не сомневайся... Кстати, Илюха, мы же там еще уголок под выставку выделили, ты видел? Типа фотостирки... Только мы детские рисунки развешиваем на веревке.

– Хорошо, – отозвался тот рассеянно и взглянул на часы.

– Не идет твоя заказчица? Съешь еще колбаски, а то работать же весь день. – Лариса подвинула ему блюдо.

– Просто свинство, – буркнул Илья и дернул носом, как пес, раздраженный запахом. – Могла бы позвонить и отменить встречу.

Он вдруг достал айфон, и Кира похолодела: «А если он сейчас перезвонит мне?! Надо было выключить звук смартфона...»

Но Илья только проверил – не было ли звонка. Кира с облегчением выдохнула, сунув под колени задрожавшие руки.

– Хоть бы сообщение прислала, – проворчал он.

Даже когда Илья хмурился, на него хотелось смотреть, с удивлением отметила Кира, однако обычно мрачные лица ее пугали – слишком хотелось оттянуть кверху уголки рта угрюмца. Чтобы не выдать своего любопытства, она завертела головой, разглядывая стены.

Проследив за ней, Лариса спросила:

– Кира, вам действительно у нас нравится? Это хорошо. Я уже говорила, кажется... Нам нужен администратор.

Кира быстро вытащила руки, чтобы не выглядеть туповатым переростком. Работу получают взрослые люди...

– Кто-то совершенно очаровательный, как вы, должен встречать наших гостей.

Смутившись, Кира совсем по-детски прижала ладони к покрасневшим щекам и рассмеялась. И вдруг заметила внимательный взгляд Ильи... Опустив руки, она посмотрела на него холодно и повернулась к Ларисе:

– Я с удовольствием. Мне очень нужна работа. Надеюсь, у меня получится.

– Вы раньше-то чем занимались?

Ей сразу захотелось спрятаться под стол, ведь стыдно было признаваться:

– Да ничем особенным... Продавцом работала. Менеджером в одной фирме. Мы торговали бытовой техникой... Это неинтересно.

Ровный голос Ильи заставил ее окончательно ступешаться:

– У вас удивительные глаза... Я еще не видел радужку такого цвета. С удовольствием поработал бы с вами... как с моделью.

Наверное, это было обманчивое ощущение, но Кира физически почувствовала, как ее взгляд засветился от этих слов. Она смотрела на Илью и больше не видела в нем хмурого брюзгу. Чуть склонив к плечу голову, он рассматривал ее с... Что было в его взгляде? Неподдельное восхищение или профессиональный интерес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.